

*Посвящается моей маме,
лучшей из известных мне женщин.*

*И в память о моем папе,
который до сих пор меня вдохновляет.*

Пролог

Август 1815

Он был в аду.

Огонь факелов бросал дьявольские тени на каменные стены пещеры, теплые желтые и оранжевые блики играли на примитивных орнаментах и фресках. Маслянистый дым, поднимающийся от факелов, извивался, клубился и полз большими черными змеями под потолок.

Это зрелище было ему по душе.

Обстановка напоминала пещеры Уэст-Уикома, излюбленное место сэра Фрэнсиса Дэшвуда и его печально известного «Клуба Адского Пламени». Как и те пещеры, эти залы, находящиеся на глубине 35 футов под землей, были вырыты древними людьми, отчаянно желавшими добыть камень в известняковых месторождениях для изготовления своих орудий и инструментов. Позже кто-то обустроил в этом гористом помещении две комнаты. По его догадкам, это сделали паписты во времена правления Доброй королевы Бесс. После того как она объявила католицизм актом предательства, семьи, которые хотели по-прежнему соблюдать каноны своей веры, были вынуждены уйти в подполье — иногда, как в случае с этим залом, в прямом смысле, — страшась охотников за священнослужителями и разоблачения, которое могло стоить им и состояния, и жизни.

Конечно, он не мог доказать, что эти пещеры использовались именно для этого — тут не было найдено ни единой религиозной реликвии, — но его забавляло представлять себе молящихся здесь верующих.

Его забавляло превращать благочестивое в богопротивное.

Он улыбнулся уголками губ при мысли о каменщиках и плотниках, которых он нанял в Лондоне пять лет назад для этого дела. Они думали, что он был не в себе. Он видел, как их глаза округлялись, когда он описывал им некоторые наиболее яркие детали в задуманных им особым образом фризах. Он видел их шок. И что-то еще...

Воодушевление.

Они не могли обмануть его ожидания, даже если для этого нужно было обмануть себя.

Дураки. Он отказался себе лгать. Он знал, кем он является. Он знал, *что* он собой представляет.

Но все же у него было нечто общее с папистами. Он, как и они, не мог рисковать, чтобы его обличили. Он знал, что, если обнажатся его темные помыслы, которые будоражили его плоть и пронзали ее, как стрелы, причиняя одновременно и удовольствия, и боль, общество назовет его монстром.

Лицемеры.

Его это злило. Он чувствовал, как его кровь закипает от ярости, но ему и это удавалось скрыть.

Он вдруг резко встал, быстрое движение заставило темную бархатную накидку черной дымкой хлопнуть его по ногам, словно пару крыльев. Ему бы это зрелище тоже пришлось по душе, если бы он обратил на него внимание. Однако он выбрал эту накидку на шелковой подкладке не из-за ее внешнего вида, а за ее теплоту. Не важно, сколько было зажжено кострищ и факелов: рассеять леденящую промозглость подземных катакомб не удавалось.

Вино, конечно, помогало.

Его парни неизменно пили, начиная с вечера, их лица были багровыми от бордо, от холода, и от предвкушения того, что он им обещал. Когда он встал, они направили свои взгляды на него. В их расширенных зрачках он увидел тоненькие языки пламени от свечей и факелов вокруг.

Почти что непринужденно он поднял чашу, инкрустированную драгоценными камнями, смерив взглядом двенадцать апостолов, которых он выбрал для своего закрытого клуба.

Такие молодые. Такие нетерпеливые. Такие восхитительно порочные.

— Терпение, мои братья, — приказал он и подумал вскользь, к себе или к ним он обращается.

Мужчины засмеялись в знак одобрения и повторили его жест, подняв свои золотые и серебряные чаши, блекло вспыхнувшие в мерцающем свете зала, и затем жадно выпили. Вино уже лишило двух молодых щенков присущего им изящества. С едва заметной холодной улыбкой он смотрел, как они жадно глотают красное вино, не обращая внимания на то, что оно льется тонкими струйками по их подбородкам, обагрывая шейные платки, словно кровь.

Пока он размышлял, надолго ли их еще хватит, какой-то звук — шарканье ног, мягкая поступь по твердому камню — привлек его внимание. Апостолы тоже услышали этот звук и один за другим притихли. На долю секунды пробирающий до костей воздух, тяжелый от запаха воска и дыма, земли и соленой воды, казалось, загудел от ожидания и необычайного радостного возбуждения.

Сначала появились тени, отскакивавшие от стен в зловещем искажении. Затем вслед за верным слугой за угол завернули женщины, которых он вел в бездну. Их темные мантии с капюшоном на вид походили на мантии его апостолов, пусть их бархатная ткань и была дешевле.

Изначально он хотел приказать женщинам одеться монашками, по аналогии с тем, как того требовал Дэшвуд в своем «Клубе Адского Пламени» более шестидесяти лет назад. Ведь в случае с пещерами он вдохновлялся как раз закрытым обществом сэра Фрэнсиса, которое взбудоражило Англию до самого ее безбожного основания. Но, так как «Клуб Адского Пламени» послужил гибелью слишком многим, он решил выбрать более осторожный путь.

Присутствующие мужчины думали, что это всего лишь игра, вроде безобидной оргии в пику строгим правилам, которых им приходилось придерживаться, в пику своему происхождению, которое было одновременно счастьем и проклятием. Они не

замечали дикого голода внутри его, его отчаянного желания удовлетворить свою жажду.

Возгласы женщин, пораженных залом в пещере, быстро перешли в нервные кокетливые смешки. Некоторые из них пытались принимать конкретные позы в свете огней, чтобы продемонстрировать свои прелести, несмотря на скрывающие их плащи, которые девушек попросили надеть.

Его рот сжался от раздражения. Вот что получается, когда занимаешь шлюх. Он проинструктировал их и просил вести себя невинно, но, похоже, такое поведение было им чуждо.

Кроме малышки.

Удовлетворение ослабило его гнев, когда он посмотрел на нее. Он потратил несколько недель на поиски девушек в борделях Лондона для этой авантюры. С помощью своего агента он отобрал тринадцать проституток. Лидия была единственной, которую он выбрал для себя.

Она была молода, вероятно, не старше пятнадцати лет. И, в отличие от остальных, она была свежа. Благодаря темным кудряшкам и кукольному лицу она излучала молодость и невинность.

Это, конечно, был обман. Но в ее глазах не было столько пресыщенности, как в глазах остальных шлюх, и это ему нравилось.

Он поставил чашу на длинный стол из сосны и подошел к ней. Благодаря небольшому росту ее было легко отличить от остальных, несмотря на схожесть женских фигур в плащах. Ее лицо было едва различимо в тени капюшона, но он уловил нервный взгляд ее бегающих глаз. Когда она увидела его, на ее лице промелькнуло выражение узнавания, улыбка всколыхнула ее мило очерченные губы. Ее щеки вспыхнули от удовольствия, когда он протянул руку и схватил ее тонкое запястье.

Ее радостная улыбка превратилась в удивленную гримасу, когда он потащил ее по пещере к узкому проходу, ведущему в извилистый коридор. Резко остановившись — так резко, что девушка врезалась в него, — он вернулся в зал и поднял руку.

— Делайте что желаете, — процитировал он еще раз сэра Фрэнсиса. Его рот скривился в холодном удовлетворении, когда его апостолы немедленно накинулись на блудниц и зал

наполнился довольным смехом и возбужденными криками. Искажённые тени танцевали на стенах пещеры. Игра началась.

Вернувшись в коридор, он вцепился руками в тонкое запястье шлюхи и дернул ее за собой, не смотря ей в лицо, и ринулся в глубь тоннеля. Ей пришлось бежать, а иначе он бы потащил ее по земле.

— Милорд... — только и смогла она произнести срывающимся голосом. Похоже, он ее не слышал, и ей оставалось только поспевать за его широкими шагами, капюшон ее мантии при этом спал на плечи, темные кудряшки рассыпались в беспорядке и упали на симпатичное личико.

В самом конце коридора виднелась грубо отесанная сосновая дверь. Он остановился, отпустив девушку, чтобы достать ключ из кармана. Он с усилием отворил дверь и пригласил ее внутрь учтивым жестом, который должен был заставить ее сердце биться чаще. Игриво улыбнувшись и вздернув голову, Лидия переступила порог, и он увидел, как ее жеманная изысканность испарилась, когда ее взгляд упал на подготовленную кровать с балдахинном и блестящими красными шелковыми простынями. Посреди комнаты стоял стол, украшенный по меньшей мере двадцатью свечами из пчелиного воска. Помимо их запаха можно было различить другие... блуда и чего-то еще... чего-то едва уловимого.

— Ого. Вот это великолепие, — прошептала она, развязывая узел на его горле, в то время как теплая накидка, которую ей вручили для ночных утех, сползла на ее тонкие плечи и наконец упала на твердый каменный пол. Он закрыл дверь и начал методично снимать свою мантию и одежду, бросил их в кучу и пошел за ней полностью раздетым. Он уже возбуждился.

Лидия изобразила улыбку, которая неизменно привлекала проходимцев, посещавших заведение Мадам. Ее улыбка, однако, исчезла, когда он настиг ее и, взявшись за края муслинового платья, разорвал его на две части быстрым грубым движением. Прежде чем она смогла возмутиться по поводу своей потери, он порвал ее хлопковую рубашку и маленький корсет на ее теле и поднес ее к кровати.

— Прелестно... как прелестно, — его дыхание обдало ее тело жаром, когда он обрушил ее на пуховый матрас. Сковывая

ее нежные запястья над ее головой одной рукой, он целовал ее, спускаясь ниже по тонкому белому горлу к маленькой груди. Забыв о платье, она сдалась под чувственным натиском, наслаждаясь прикосновениями его рта и языка. С ее губ сорвался тихий вздох, когда она начала мечтать о будущем, которое уже не было связано с мадам Дюпрей. Будущем вдали от этих толстых потных стариков, которые приходили смотреть на нее в академию.

Покинуть дом на Бекон-стрит, получить свое собственное жилье...

— *Было бы чудно...*

Жгучая боль была так неожиданна, что она не смогла полностью осознать ее, даже когда ее тело дернулось в ответ. Закричав, она резко открыла удивленные глаза и встретилась взглядом с женщиной, когда он поднял голову. Ужас сковал ее, когда она увидела яркие пятна крови на его губах.

Даже в этот момент ей потребовалось время, чтобы связать это со жгучей мучительной пульсацией в ее левой груди.

Ее глаза опустились вниз. Она почувствовала потрясение от ужаса и страха, когда увидела рану.

Она закричала.

Его глаза ярко блестели, его лицо покрыла зловещая тень, когда он навис над ней. Свободной рукой он резко потянулся к ее горлу, обхватил тонкую шею, заглушив пронзительный крик. Он давил все сильнее. Острая боль в ее груди сменилась удушьем. Она лихорадочно пыталась освободиться из железной хватки. Пока она брыкалась и извивалась всем телом, ее легкие начали гореть, зрение затуманивалось. Язык будто опухал во рту, душа ее еще больше.

В тот момент, когда она думала, что ее горло взорвется, давление ослабло. Кашляя и задыхаясь, она жадно глотала ароматный воздух. И тут она поняла, что это за запах стоял в комнате. Это осознание поразило ее, как ослепительная вспышка.

Кровь.

Дьявольские губы гладили ее ухо.

— Это будет не так просто, моя сладкая, — прошептал он вкрадчивым голосом, придвигаясь к ней ближе. Блиско-блиско. Его пот смешался с ее кровью. — Я с тобой еще не закончил.

Он потянулся за чем-то над ней, и, несмотря на то что ее сердце оглушительно стучало в ушах от страха, она различила ясный звон металла. Затем холодный укус стали пронзил ее плоть.

Ее глаза расширились, и пробирающий до костей ужас, наполнивший ее, заставил ее отчаянно молить о забытии, которое к ней так и не пришло. Потому что теперь она знала, что это было не ложе блаженства с мерцающими свечами и красивой кроватью.

Раздалось сдавленное всхлипывание.

Это все-таки был не рай.

1

Наше время

— Ты уверена в этом? *Точно уверена?* Мы наконец нашли этого сукина сына?

Тревога, темная и скользкая, как пролитое масло, просочилась в сердце Кендры. Она не обращала внимания на это чувство, списывая его на дюжину пар глаз, прикованных к ней в этот момент.

И это были не просто глаза. Три пары этих глаз принадлежали заместителям директоров или вторым заместителям директоров настоящего алфавитного супа из агентств: ЦРУ, АНБ и ее родного ФБР, включая высокопоставленного чиновника из Национальной администрации по безопасности, которая была образована после атаки одиннадцатого сентября для координации контртеррористической, контрразведывательной и разведывательной деятельности. Другие члены специальной рабочей группы были агентами вроде нее, хотя она была единственной женщиной в помещении. Что делало ее одновременно и исключением, и изгоем — как посмотреть. Она предпочитала не иметь своего мнения на этот счет.

— Это Балакирев, — Кендра пыталась говорить спокойно и уверенно, хотя она чувствовала, как эти глаза давят на нее, и ощущала это давление физически. — Нам удалось отследить его IP-адрес, после того как мы тайно использовали интернет-аккаунт одного его клиента.

— Это было не просто, — подключился спецагент Дэниэл Шеппард. Его обычно незомоциональные черты изображали не-

привычное возбуждение. — Ловкий ублюдок глушил сигнал по всему миру.

Дэниэл был прирожденным компьютерным гиком и великолепно использовал свои навыки внутри Команды Кибер-реагирования ФБР. Обычно он был ответственен за поиск зловередных компьютерных хакеров по всему миру. Ему впервые поручили отследить известного террориста.

— Но Кендра, то есть спецагент Донован, создала совершенно гениальную программу, — продолжил Дэниэл, посылая женщине, стоявшей за ним, полный восхищения взгляд. — Она проанализировала его предыдущие схемы, позволив нам осуществить качественный *рывок*, нежели просто поймать сигнал.

— Понимаю. — Питер Карсон, заместитель директора нью-йоркского офиса ФБР, быстро поднял голову, демонстрируя нетерпение и явное нежелание слушать занудный поток технической речи, который должен был последовать. Карсон не был компьютерным гиком. Его не интересовал Интернет, разве что для того, чтобы надрать задницу некоего Влада Балакирева, бывшего агента КГБ, который стал торговцем смертью.

Карсон пытался поймать этого русского уже более года, с тех пор как АНБ включилось в это дело, связав его с какой-то террористической группировкой «Аль-Каиды», которая, по слухам, готовилась к созданию ячейки в Нью-Йорке. Они сформировали элитную рабочую группу из представителей разных агентств, чтобы выследить Балакирева. И они дважды были чертовски близки к этому: первый раз — в Иордании, и затем, двумя месяцами позже, — в Испании. Но ему удалось сбежать. Попутно устранив пятерых их спецагентов.

Им пришлось это проглотить, но ничто не шло в сравнение с ужасом, охватившим все нутро Карсона, когда он получил разведанные о том, что месяц назад Балакирев проник в США с запасом химического оружия на продажу. В частности, с рицином, смертельным химикатом, которому отдавал предпочтение некогда родной Балакиреву КГБ. После *таких* новостей Карсон не переставая жевал желудочные таблетки, как конфеты.

— Я хочу быть уверен, абсолютно, черт возьми, уверен, что это Балакирев, — произнес он сейчас, вспомнив бездарную миссию в Испании. Как вообще русский смог проскользнуть